

БИБЛИОТЕЧКА МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ

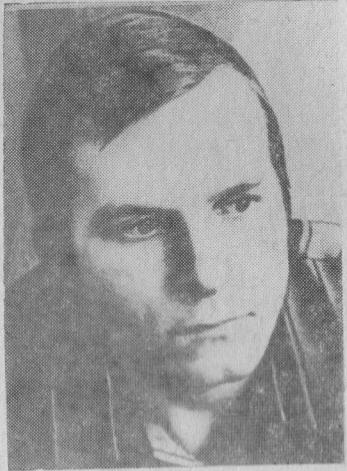
СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

БИБЛИОТЕЧКА МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ
ДОЛГИЙ
ПЕРЕХОД

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ родился в 1950 году в деревне Торбеевке Тамбовской области. После окончания средней школы поступил в техническое училище, трудился аппаратчиком. Одновременно занимался в молодежной театральной студии. Окончил историко-филологический факультет Тамбовского педагогического института. В настоящее время С. Бирюков — заведующий отделом пропаганды тамбовской областной молодежной газеты «Комсомольское знамя».

Первые стихи были опубликованы в областных газетах в 1970 году. Лауреат Международного литературного конкурса солидарности 1972 года. Печатался в журнале «Литературная учеба». Участник совещаний молодых литераторов.

СРЕДНЯЯ ПОЛОСА

Ветлы склонились над речкой напиться.

Пили, припали — не оторвутся.

Вышло над Пандою мне народиться.

Крикну — луга и поля отзовутся.

И отзовутся окрестные рощи, ломкий ольховник, камыш и осока.

Наша природа не любит насекомых.

Надо входить в нее постепенно, надо любить ее постоянно и тосковать на ее расстояниях.

Так расположены эти равнины, эти овраги и мелкий кустарник, будто в строенье рельефа повинны те, кто следы на прибрежье оставил.

ОСЕННЯЯ КАРТИНА

* * *

Сюжет человеческих дел —
костер у деревни Красивка,
где девочке вслед поглядел
и с нею навеки простился.
Там был березник и роса,
а может быть, сосны и сухо,
в душе моей мор и разруха,
но речка несла голоса.
И был голосами я полон.
Хоть вкус расставания солов,
но молодость — это не боль.
Но молодость — это удача,
удача, когда, чуть не плача,
рвешь первые черновики...
(А брюки тебе велики —
ведь их покупали на вырост...)
Прощай, низовая трава,
болотная злая осока!
Я точно не знаю — насколько,
но, в общем, была ты права.
Когда это было? Река,
промокшие новые кеды,
летящие велосипеды
и молодость — на века.

По саду осеннему движется скрип —
скрип яблок и ящиков прочных,
скрип яблок, зачем-то похожий на всхлип
соседок моих непорочных.
Мой брат — молодой и здоровый, как лось,
высокий мой брат эти ящики грузит.
Антоновкой солнце над ним поднялось,
рубаха завязана в узел.
Полуторка пыльной дорогой гремит,
осенний кумач на бортах.
А кто это там одинокий стоит
и яблоко держит в руках?..

* * *

Будто века, и века, и века —
лес, и трава, и река
так и текли, и росли, и стояли
и от села до села расстоянья
путнику мирному сокращали,
вражьему всаднику удлиняли.
Лес. Трава. Река...
—

В НЕНАСТЬЕ

Равнинны вымокли, а мы
беспечно вязнем на дорогах,
но сердце, взятое тревогой,
нас остановит в полпути,

прикажет повернуть
и снова

искать в ночи
сухого крова.

Искать, а где его найти?
Когда на сотни

километров —
солянка из дождя и ветра,
а говорят — повсюду лето,
и сухо быть
по всем приметам
в степи должно...

ДОЛГИЙ ПЕРЕХОД

От света — движенье в ночь,
осенней движение тучи.

Почти уже не превозмочь
подъема по этакой круче.

Карабкались долго, и вот
вдруг выдохлись на исходе,
и солью посыпался пот
при первом луче на восходе.
Смешались восход и заход,
а ветер с дождем перемешан,
но все же в нас дух

перевешивал,
когда отправлялись в поход.

...Когда нету сил превозмочь
пологую горку вот эту
и вышла на промысел ночь, —
мы все-таки движемся к свету.

ПОД СВОДАМИ НЕБА

Начинаем все сначала,
жить сначала начинаем,
нашей воле подчиняем,
голосами наделяем
все, что до сих пор молчало
или просто отзывало.

Начинаем, ударяет
голос в купол бесконечный,
нарушает сон беспечный
и Стрельца предупреждает.

Откликается округа
голосом судьбы и друга.

Будто жили и не гасли
люди в этих тихих хатах,
набивали сено в ясли
и гадали на ягнятах.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Ночью лил дождь,
и я просыпался,
темная память
вставала во мне,
черное небо
дрожало в окне,
молнией
бог
усмехался.

Дождь продолжался,
а я засыпал,
видел холмы,
но не мог пробудиться,
крыльями била
мохнатая птица,
и на березе
скрипач обитал...

Утром проснулся. Мокрый балкон.
Ведра наполнились вечной водою.
Влажная даль между мной и тобой.
Сохнет дорога. И кончился сон.

ФРАГМЕНТ

Единственный мой адрес
на земле —
твоя душа
под небом Украины.
Так вот когда налился,
и созрел,
и оторвался плод
от пуповины!
В тот час,
когда писал тебе письмо,
взошла звезда
над крышей и над садом.
И кормчий утопил
свое весло,
так мы с тобою
оказались рядом.

Как осветился профиль твой
во мраке —
померкли болтуны и забияки.

Я вынырнул, взъерошенный,
из тьмы —
на целом свете были
только мы.

МЕЖДУГОРОДНАЯ. ПОЛНОЧЬ. ТЫ

В том зале, опустевшем до утра,
тебя телефонистка вызывала —
я ждал. Кричала в трубку и зевала,
не ведая ни счастья, ни утрат.

...Там девочка — печальна и строга —
сидела, стиснув руки на коленях.
Я там писал. И призрачна строка,
как огонек дрожащий на поленьях.

Меж тем благополучие мое,
казалось, вечно было нерушимо,
хотя телефонистка не решила —
услышу ли дыхание твое.

...Там женщина с потеками у глаз
и на щеках с осыпавшейся пудрой —
казалась мне таинственной и мудрой —
и я писать старался без прикрас.

Телефонистку сон одолевал,
с ним совладать она была не в силах,
но все-таки кого-то запросила —
и было ясно, кто-то там зевал...

Но,
неподвластна
силе телефона,
ты появилась...

Голос.
Ты сама
вашла ко мне
вне времени и звона —

таков приход
сонетов и сонат.
...Все осветилось!
Девочка плясала.
Сон убегал —
телефонистка пела.
И женщина
из пудры
воскресала.
Лишь нам с тобой
не находилось дела.

ВЛИЯНИЯ

Влияют на меня
леса и небеса,
вечерняя роса
и птички голоса.
Влияют на меня
прощальный гул метро,
«Монахиня» Дидро
и с молоком ведро.
Влияют на меня
газетная заметка,
на скатерти креветка,
художник Гончарова
и молодое «Слово».
Да здравствуют влияния —
кровопереливание,
друг к другу притирание
немыслимых вещей,
неведомых людей,
невиданных веществ,
неистовых идей.
Когда мы крикнем код,
быть может, через год
нам отзовется тот,
кто вышел из ворот
деревни, городка,
аула, кишлака.
Дорога далека.
Нога его легка.

УНИВЕРСИТЕТЫ

Изучаю структуру культуры,
мне сейчас не до макулатуры —
пионеры ее соберут.
Изучаю структуру культуры,
проникаю в отроги ее,
в Острогожски,
тихо, ощущю, осторожно,
не поранить чтоб, не задеть...
Изучаю «Столбцы» Заболоцкого,
пью из чистых, глубоких колодцев.
Если их не отравят, как Хиросиму,
хватит сыну.
Я не помню ни деда,
ни прадеда, ни потопа.
Из метафоры взял
человеческий опыт.
Изучаю структуру вещей —
человечество
и смеется, и плачет,
издевается,
что это значит?
Что ты значишь,
голубка Пикассо,
на плече у рабочего
класса?
Что вы значите, лики Рубleva,
и в портфелях у школьников
«Слово»?
Отвечают: «Ну, что мы там значим!
Просто мы с человечеством плачем.
Просто мы с ним ликуем, когда
отступает на время беда».

ПЕРЕСМЕШНИК

Жила-была птица,
звалась пересмешник.
Умела схватить она
голос тележный.

А речи всех певчих
ей были подвластны.
Но форму она
искажала ужасно.

Она над землею
летала, парила.
И что-то такое
в природе творила,
ну, просто такое —
невообразимо:
мешала петушину речь
с соловьиной,
сквозь Глинку
железной вонила машиной...

Никто не хотел
пересмешника слушать.
Но жить ему было
на свете не скучно.

Он пел, подражая
и птицам небесным,
и даже кузнецикам
неизвестным.

Он смог передать,
как лепечет орешник,

в костре, изгорая, стреляет
валежник,
и шепот влюбленных —
в ночи — безмятежный,
и плач одинаково
безутешный.
Фамилия птицы
была — Пересмешник.

ОБРАЩЕНИЕ

Откликнулось музыкой слово,
и песня забилась в груди.
Стиха золотую основу
серебряной нотой веди.
Художник, имеет искусство
и смысл, и значенье, когда
на свете с любовью негусто,
у горя в подружках беда...
В троллейбусе заледенелом,
прижат земляками к окну,
дыханием чистым и смелым
сумеешь ты лед разомкнуть.
Ребенок прижмется к глазочку —
замрет от пространства земли.
Ты был чудаком-одиночкой,
а вышло, что рядом пошли.
Какая спасала отвага
тебя в нелюдимой夜里 —
не скажет ни холст, ни бумага,
и песня о том промолчит.

ОСТРОГОЖСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

(Три монолога из поэмы, посвященной Василию Кубаневу)

I

Кубанев задает вопросы

Я слышу музыку,
а выразить не в силах.
Я нем.
Какая сила родила меня,
взрастила?
Зачем?
Зачем «районыщику»
чудные эти страсти,
зачем смущен
и растревожен дух,
что не спастись,
как с глазу и напасти,—
а жизнь одна,
и не бывает двух.
Как заклинание,
твержу себе:
«Василий!
Тебе по силам
мир переменить.
Огонь высокого искусства
над Россией
тебе дано воспламенить».
Мне так легко давались
все азы,
но слишком мало
было азбук в детстве.

В оставленном мне
предками наследстве
есть жизнь.
Как выразить ее?
Неужто ничего я не смогу
и, кроме сирот — Кати, Веры, Светы, —
я никому ничем не помогу,
а письма — лишь кораблики для Леты?..

II

Кубанев выступает на вечере в Острогожском педучилище и говорит о будущем

Рассуждения курского
деда Егора
я нашел в афоризмах
бенгальца Тагора.
Я подумал,
мы все на земле
хлеб растим
и едим,
значит, мир неделим
и навеки един.
Мир проходит сквозь нас.
Пала Польша вчера,
и газетная «шапка»
собой пол-Европы накрыла.
Тень лежит на домах Острогожска.
Эти выкрики пьяных
разбоем фашистов
я из уст крестоносцев
вчера уже слышал.
И я понял,
что мир не един —

человеческим мясом горелым
пропах над Освенцимом
дым.

Мир проходит сквозь нас.
Это ясно, как день.
Это ясно, как ночь.
Я, ребята, надену шинель,
человечеству чтобы помочь.
Если с Родиной нашей
беда приключится,
станут рядом со мной
братья — Коган,
Майоров, Кульчицкий.

Вы стихи наши
жестко судите, ребята.
Мы поэтами были когда-то.

III

Встреча с будущим

Завтра проснемся, и будет утро.
Каждое утро будущим я назову.
Значит, мы встанем в будущем.
Завтра увижу друзей своих
в джинсах и курточках,
смелых друзей моих,
знающих цену поэзии,
жизни,
слабости, храбрости.
Утром увидимся.
Глянем друг другу
в глаза.
В наших зрачках
отразится история,

не испорченная ретушью.

Мы станем над реками.

Возможно, что ветер
выбьет слезы из глаз.

А вечером я наконец
прочту те четыре тома Хлебникова,
которые ты, Вера, не успела мне
отослать.

Завтра наступит будущее
в шесть утра.

ОТ ПЕЧКИ

Печка — первое дело:
тепло, еда, отдых, кладовка.
Семечки, запавшие
между кирпичей,
за зиму не перегрызешь.
Печка — галерка
в домашнем театре (цирке),
 вход бесплатный,
приплатят тебе еще —
по заднему месту,
чтобы не занимал
сцену, или арену.
Болото множество функций у печки.
Именно так:
лекарство от живота
и кашля, комфортабельное
ложе для сна...
И танцевать следует
от печки,
иначе запачкаешь
сажей
наряды подруги.
Не ошибешься, если
представишь избу
печкой с огромным челом.

Печки лишь
не сгорали и не взрывались.
И отогрелся нахмуренный мир
у печи.

СТЕПЬ

Я вижу вас, родные степи...

Е. Боратынский

Вышел в степь
и загляделся.

И увидел — вот восток,
солнца пламенный росток
над сухой травой зарделся.
Островок земли сухой,
обиталище полевок,
тронутый чужой подковой,
не нарушенный сохой.

— Дед, зачем ты
вышел в степь,
что глядел и что увидел?

— Я увидел — вот восток,
солнца пламенный росток...

— А зачем ты умер, предок,
не заполнив напоследок
двадцать строк в казенной книге
на задворках в старой риге?

— Вышел в степь,
чуть не ослеп.
Если хватит еще света,
жду ответа...

«ОЙ, ПОЛАЯ ВОДА»

После половодья
входит речка в русло
и течет спокойно,
как до половодья.
Но вода полая
бо́знатъ что
делает —
берега смывает,
луга заливает
и выносит рыбу
прямо под окно.
То ли приснилось,
то ли в самом деле,
ночью темнотища —
выколи глаза:
рыба входит в избу
и за стол садится.
Ест пшеничную кашу с молоком.

Кошка удивленная
шерсть поднимет дыбом,
выскочит на крышу,
заорет в тоске...

Утром встанешь рано —
рыба на веревке,
кошка в печурке,
каши нет.

После половодья,
в середине лета
в речке по колено.
Все вранье —
не было рыбы,
не было кошки,

ночки темной
не было.
Ничего не было,
а если даже было,
все равно не было,
так как быть не может,
не может никогда.

ИЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ДНЕВНИКА

ДВОР

Овраг, обвязанный клубникой,
на длинных привязях телята...
Степное солнце виновато,
что жизнь когда-то здесь возникла.
Так почву солнце прогревает,
земля лоснится и бугрится,
слега ветвится и листвится
и никого не удивляет.

ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ

Сквозь заросли
девясила,
по дикой Панде,
холодной, родниковой,
синими от ежевики
руками разбирая завалы,
когда
крапива лезет
в рот, уши,
ноздри,
тут налимы
прыгают
прямо в руки,
а раки
повисли на ветке,
которую взял,
чтобы отмахнуться от слепней, —
с цветком девясила в петлице
по загадочной реке
загадочной страны...

Нет одиночества.
Стон домино.
Черною радостью
брьзжет вино
в праздном дворе.
Голуби шумно
роняют помет.
И Пугачева
весь день напролет
то ли ругается, то ли поет
в праздном дворе.
Отдых в разгаре.
Попробуй пройди
мимо скамеек
в подъезд —
восемь старушек
просветят тебя
лучше, чем
мощный рентген.

Хватит до сумерек
юмора нам,
хватит, а там —
как-нибудь скроются все по домам
ночь переждать.

ПО ЯГОДЫ

*Светлой памяти бабушки —
Елизаветы Осиповны Бирюковой*

В роще осиновой да
солнце малиново да
да осинова, да малинова
ягода красная да.
ягода черная да
да красная да черная.
Девки замужни ти
бабы смешливы ти
ти замужни ти смешливы
ягоды собирали, да
в кузова складали да
собирали да складали, да
платки расстилали те
на них разлегались те
те расстилали те разлегались.

Одна ягодку съела,
другая съела,
и все, что болело,
поздоровело.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЬНОМ ХОРЕ

Не обладая голосом и слухом,
я в хоре пел,
потом собрался с духом,
удрал из хора
и пошел домой,
и что-то вдруг произошло со мной:
открылся слух,
стал прорезаться голос,
хоть я не изменился ни на волос —
открылся слух
и голос зазвучал.
А как же хор?
Он до сих пор поет,
тоску и грусть на школьный зал наводит,
но вдруг из хора кто-нибудь
выходит
и убегает петь, не зная нот.

СОДЕРЖАНИЕ

Средняя полоса	3	Альваро Куньял. Ри-
«Сюжет человеческих дел...»	4	сунки из тюрьмы
Осенняя картина	5	Штрихи Берлинга
«Будто века...»	5	Острогожский эп-
В ненастье	6	цикlopедист
Долгий переход	7	От печки
Под сводами неба	8	Степь
Сон в летнюю ночь	9	«Ой, полая вода»
Фрагмент	10	Из деревенского
Международная		дневника
Полночь. Ты	11	Вниз по течению
Влияния	13	Двор
Университеты	14	По ягоды
Пересмешник	15	Воспоминание о
Обращение	17	школьном хоре

Сергей Евгеньевич Бирюков

ДОЛГИЙ ПЕРЕХОД

Редактор Л. П. Шевченко. Художник А. Г. Лось. Художественный редактор Л. Р. Карюков. Технический редактор Т. И. Селютина. Корректор Т. Д. Буинина. Сдано в набор 26.03.80. Подписано в печать 11.08.80. №Е05582. Формат 70x90 $\frac{1}{2}$. Бумага оберточная. Гарнитура литературная. Печать высокая, усл. печ. л. 1,17. Уч.-изд. л. 1,05. Тираж 5000 экз. Заказ № 797. Цена 10 коп. Центрально-Черноземное книжное издательство, 394730, г. Воронеж, ул. Циорупы, 34. Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.